

Обзорная статья
УДК 1:316+30
DOI: 10.15372/PNE20250102
EDN: ZZFVJU

Теоретическое оформление понятия «массовое сознание» в контексте социальных преобразований

Глазунов Николай Геннадьевич

Федеральное бюро медико-социальной экспертизы Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, Москва, Россия, nickglazunov@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-3968-9161>

Аннотация. *Введение.* Социальные преобразования – взаимосвязанные процессы, затрагивающие как социальные институты и структуры, так и сферу массового сознания. Их эффективность находится в прямой зависимости от того, готово ли к ним массовое сознание, и, соответственно, его обратного воздействия на структурные изменения, протекающие в обществе. Исследование имеет целью корреляцию данных процессов как исходного условия результативности общественных преобразований. *Методология* опирается на сравнительно-исторический подход (с привлечением данных о социально-экономических и политических преобразованиях в Китае и России), интерпретацию роли идейно-ценностных компонентов индивидуального и массового сознания в процессе социальных изменений, а также построение моделей, обеспечивающих функционирование указанных компонентов в общественном пространстве. *Обсуждение.* Массовое сознание в концентрированном виде отражает укрупнившиеся представления об идеях, целях, ценностях, мотивах, которые имеют положительный нормативный статус в данном обществе. Суммарно они регулируют и координируют деятельность как отдельного индивида, так и общества в целом. На уровне рационально-теоретических обобщений установки массового сознания кристаллизуются в идеологии, доминирующей в обществе. Потребность в преобразованиях обусловлена объективными потребностями социальной системы, чьи структурные элементы и функциональные связи перестали удовлетворять потребностям системы и справляться с внутренними и внешними вызовами. Алгоритмы функционирования социальных структур и институтов четко взаимосвязаны с идейно-ценностными установками, принятыми в обществе. Без изменения данных установок социальные преобразования либо невозможны, либо малоэффективны. Например, внедрение в экономику Китая и России рыночных механизмов было бы невозможно при господстве коммунистической идеологии, принципиально несовместимой с либерально-рыночными идеями и ценностями. *Заключение.* Взаимозависимость процессов институциональных преобразований и изменений установок массового сознания непосредственно влияет на социальную практику, что обеспечивает высокую результативность происходящих в обществе изменений. Нарушение корреляции между ними, как правило, препятствует данному процессу.

Ключевые слова: массовое сознание, обыденное сознание, общественное сознание, идеология, ценность, социальные преобразования

Для цитирования: Глазунов Н. Г. Теоретическое оформление понятия «массовое сознание» в контексте социальных преобразований // Философия образования. 2025. Т. 25, № 1. С. 20–36. DOI: <https://doi.org/10.15372/PHE20250102>

Review article

Theoretical Design of the “Mass consciousness” concept in the Social Transformations context

Nikolai G. Glazunov

The Federal Bureau of Medical and Social Expertise of the Ministry of Labor and Social Protection of Russian Federation, Moscow, Russia, nickglazunov@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-3968-9161>

Abstract. *Introduction* Social transformations are interrelated processes that affect both social institutions and structures, and mass consciousness. The effectiveness of institutional changes depends directly on whether the mass consciousness is ready for the changes, or it experiences the opposite effect of structural changes that take place in society. The research is aimed at studying of these processes correlation is the initial condition for social transformations effectiveness. *Methodology.* The research is based on a comparative historical method (involving data on socio-economic and political transformations in China and Russia), as well as on interpretation of the role of ideological and value components of individual and mass consciousness in the social change process. The work also considers the models construction that ensure the functioning of these components in public space. *Discussion.* Mass consciousness in its most concentrated form reflects the ideas, goals, values, and motives (that have a positive normative status in this society) rooted in the national mentality. In total, they regulate and coordinate activities of both an individual and society as a whole. At the rational theoretical generalizations level, mental attitudes crystallize in the ideology that dominates in a society. The transformation conditions are objective needs of the social system, whose structural elements and functional connections have ceased to meet the needs of the system and cope with internal and external challenges. The social structures functioning algorithms are clearly interrelated with the ideological and value attitudes adopted in society. Without changing these attitudes, social transformations are either impossible or ineffective. For example, the introduction of market mechanisms into the Chinese and Russian economics would be impossible under domination of communist ideology, which is fundamentally incompatible with liberal market ideas and values. *Conclusion.* The interdependence of institutional transformation and changes processes in attitudes of mass consciousness directly affects society, either ensuring the high effectiveness of changes taking place in it, or hindering this process if the correlation between them is violated.

Keywords: mass consciousness, common consciousness, public consciousness, ideology, values, social transformations

For citation: Glazunov N. G. Theoretical Design of the “Mass consciousness” concept in the Social Transformations context. *Philosophy of Education*, 2025, vol. 25, no. 1, pp. 20–36. DOI: <https://doi.org/10.15372/PHE20250102>

Введение. В процессе социальных преобразований видоизменениям подвергаются не только социальные структуры и институты, но и такой феномен, как сознание. Для точности использования понятийного аппарата мы должны дать по возможности четкое разграничение таких аспектов сознания, как «обыденное сознание», «общественное сознание», «массовое сознание». Отсутствие соответствующих дефиниций не позволит всесторонне проанализировать заявленную тему.

Исходной точкой рассмотрения изберем феномен обыденного сознания, который в XX в. стал предметом многочисленных исследований.

Так, в рамках диалектического материализма обыденное сознание рассматривалось непременно в контексте общественного сознания как его низший уровень, противоположный теоретическому (научному) уровню¹. По своей сути, обыденное сознание ориентировано на практику, формируется стихийно в процессе жизнедеятельности индивида и нацелено на удовлетворение тех или иных потребностей, «поэтому обыденное сознание не просто связано с повседневной деятельностью, но и служит исключительно этой деятельности» [1, с. 199].

Однако ориентированность обыденного сознания на практику не всегда является фактором социально положительным. По мнению одного из ведущих отечественных исследователей феномена обыденного сознания П. В. Чельшева, «практичность обыденного сознания одновременно и стимулирует активность человека, и заглушает его творческие потенции, ограничивая свободу разума в познании. Практицизм часто мешает обыденному сознанию выйти за узкие рамки частной житейской или производственной задачи» [1, с. 199].

Обыденное сознание обладает рядом характеристик, к которым мы можем отнести нормативность и зависимость от господствующих социально-культурных установок². Обыденное сознание нечасто рефлексивирует содержание тех знаний, той информации, которые поступают из средств массовой информации, принимая их на веру, автоматически, «поэтому непосредственным продолжением содержания обыденного сознания оказываются заблуждения, иллюзии, предрассудки и суеверия, закрепленные в виде устойчивых психологических архетипов» [2, с. 43].

Итак, обыденное сознание может быть квалифицировано, преимущественно, как некая ориентационная система, позволяющая субъекту принимать решения по практическим вопросам в повседневной жизни, связанным с удовлетворением базовых потребностей.

---

¹ Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 449.

² См.: Штуден Л. Л. Информация, обыденное сознание, современная культура // Культура современного российского общества: состояние, проблемы, перспективы. Екатеринбург: Изд-во УГТУ-УПИ, 2003. С. 279.

В отечественной философии, в соответствии с марксистскими традициями, более пристальное внимание уделялось общественному сознанию, изучению которого были посвящены многочисленные исследования³.

Специально в исследовании феномена общественного сознания отмечается «понимание того, что общественное сознание есть *осознанное бытие* (выделено нами. – Н. Г.), что оно порождается, вырабатывается обществом в целом и неотделимо от многогранной деятельности людей, подводит к выводу, что это сложное по составу и структуре общественное явление, выполняющее многочисленные и разнообразные функции» [3, с. 58–59].

Общественное сознание понимается как принципиально более сложный, теоретически разработанный уровень, традиционно включающий в себя такие формы, как политическое сознание, правосознание, мораль, искусство, религия, наука, философия. Каждый из этих уровней анализируется с различных точек зрения – понятийного аппарата, производства соответствующей формы общественного сознания, социальных функций, структур, типологий, познавательного потенциала, специфических черт, роли в обществе и т. п. Не только в отечественной, но и зарубежной философии проблематика общественного сознания является одной из разработанных, включающих обширную библиографию⁴ (см., напр.: [4]).

Для раскрытия темы исследования мы специально остановимся на понятии массового сознания. Массовое сознание можно условно обозначить как своеобразную «медиану», с одной стороны, отражающую важнейшие признаки обыденного сознания и сознания общественного, а с другой – представляющую собой самостоятельный общественный феномен, некий «срез» сознания всего народа в его наиболее показательных аспектах.

Методология. Рассмотрение проблемы модернизации массового сознания как отдельного вектора социальных преобразований опирается на сравнительно-исторический метод, базирующийся на данных о социально-экономических и политических преобразованиях в Китае и России, роли интерпретации идейно-ценностных компонентов индивидуального и массового сознания в процессе социальных изменений, а также построение моделей, обеспечивающих функционирование указанных компонентов в общественном пространстве. Использование метода аналогий позволило выдвинуть итоговую гипотезу о механизме протекания процесса

---

³ См.: Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. *Формы общественного сознания*. М.: Политиздат, 1959. 264 с.; Михайлов Ф. Т. *Общественное сознание и самосознание индивида*. М.: Наука, 1990. 222 с.; Уледов А. К. *Структура общественного сознания (теоретико-социологическое исследование)*. М.: Мысль, 1968. 324 с.

⁴ Деннет Д. К. *Насосы интуиции и другие инструменты мышления* / пер. с англ. З. Мамедьярова, Е. Фоменко. М.: Изд-во АСТ: CORPUS, 2019. 576 с.; Серл Д. *Открывая сознание заново* / пер. с англ. А. Ф. Грязнова. М.: Идея-Пресс, 2002. 240 с.

изменений массового сознания и его роли в успешности или неуспешности структурных преобразований социальной системы.

Обсуждение. Функцию конвертации установок массового сознания (достаточно часто воспринимаемых на уровне эмоций, смутных целей и нечетких ценностей национального или морального характера) в рационализированную систему убеждений осуществляет *идеология*.

По мнению исследователя феномена идеологии Эдварда Шилза, она отличается «точными формулировками, желанием сплотить людей во круг позитивного и нормативного убеждения, необходимостью отделиться от другой (старой или новой) системы убеждений <...> эффективным способом обнародования, привязанностью, которой они требуют, объединением с учреждениями, отвечающими за их действенное введение в социальную жизнь» [5, с. 41].

Итак, чтобы стать социально значимыми, оказывать реальное воздействие на жизнь общества установки массового сознания должны получить рациональное оформление. Это резко увеличивает их социально реализуемый потенциал. Сплочение сторонников позволяет оформить социальные силы, разделяющие определенную концепцию, придав аморфному социальному движению структурность и организованность. Это оформление может происходить в виде партий, профсоюзов и т. п.

Идеология, в концентрированном виде выражая интересы тех или иных социальных сил, приобретает для своих сторонников нормативный статус, регламентирующий их деятельность. Чем более полно в идеологии найдут свое отражение установки массового сознания, чем большее число людей будут видеть в ценностях, целях и идеалах данной идеологии свои ценности, цели и идеалы, тем большим социальным влиянием будет пользоваться эта идеология и разделяющие ее социальные силы. Например, именно большевики предложили идеологию, которая максимально коррелировалась с коллективистско-общинными представлениями о социальном идеале, бытовавшем в среде крестьянства. Различные варианты либеральных концепций, основанные на началах индивидуализма, подобной поддержки не получили, ибо их идеологическое содержание не коррелировалось с традиционным жизненным укладом крестьянства, которое было доминирующей социально-экономической силой России пред- и постреволюционной эпохи.

Следующим шагом в процессе социального развертывания идеологических постулатов стала их экстраполяция на массовое сознание. В отечественной науке один из первых исследователей феномена массового сознания – Б. А. Грушин. Его исходное определение звучало следующим образом: массовое сознание является «...своеобразным фокусом, в котором сходятся все существенные сечения общественного сознания, и потому наиболее емким... суммарным, выражением уровня или состояния

общественного сознания той или иной эпохи, взятого в целом...» [6, с. 61]. Изучая феномен социальных преобразований, следует тщательно рассмотреть роль массового сознания в этом процессе именно потому, что оно в концентрированном виде отражает все проблемы и надежды, существующие в обществе.

Комплексную характеристику массового сознания предлагает Г. Г. Дилигенский: «Ценности и морально-этические нормы, господствующие в данной социальной общности, ее традиции, система материальных и духовных потребностей, стремлений и ожиданий, присущая ее представителям, их политические взгляды и общественные идеалы, их реакция на различные объективные ситуации – все это относится к сфере массового сознания» [7, с. 14]. Таким образом, массовое сознание отражает все принципиально важные для индивида и общества параметры, характеризующие его частную жизнь, профессиональную деятельность, политические предпочтения и т. д. Достаточно пристальное внимание проблеме массового сознания уделяют исследователи и в настоящее время (см.: [8–10]).

В новейшем исследовании К. С. Петрякова отмечаются следующие характеристики массового сознания, которое «по своей природе... эмоционально, заразительно, мозаично, подвижно и изменчиво. Как правило, оно неоднородно, аморфно, противоречиво, лабильно и размыто. Для массового сознания характерны наведенность, манипулируемость, агрессивность, в силу чего оно характеризуется как деструктивная, разрушительная сила общества.

В содержательном отношении массовое сознание представляет собой причудливую смесь эмоционально-психологических, когнитивно-рациональных и иррациональных бессознательных компонентов, а также целенаправленно внедряемых манипулятивных образов действительности» [11, с. 12].

Столь подробное рассмотрение проблем идеологии и массового сознания призвано максимально тщательно рассмотреть механизмы социальных трансформаций. Они начинаются именно со сферы массового сознания, затрагивают и изменяют важнейшие его установки: цели, ценности, идеалы, мотивы деятельности. Феномен социальной модернизации достаточно часто сводят к проблеме *инструментальных* заимствований, которые призваны изъять устаревшие элементы социальной системы, установить новые функциональные связи и т. п. Такая точка зрения представляется излишне упрощенной, ибо не учитывает важнейший фактор: за обновленными социальными структурами и институтами стоят субъекты – носители определенных идейно-ценностных установок. «Невыписанность» данных структур и институтов в принятые обществом нормы, их «необязательность» с точки зрения массового сознания приведет либо

к функциональному параличу данных структур и институтов, либо к их неэффективной работе.

Такой подход можно считать ключевым в понимании феномена социальной модернизации. Модернизация – это, в первую очередь, *культурный* процесс. Например, внедрение в массовое сознание российского общества либеральных идей (на закате «перестройки» и в годы «шоковой терапии») осуществлялось в крайне сжатые временные сроки, что привело к массовой дезориентации населения, переживавшего «культурный шок» и «конфликт ценностей», ибо либеральная идеология находилась в состоянии неразрешимого противоречия с идеологией советской, на идейно-ценностные ориентиры которой общество опиралось десятилетиями. В результате подобного конфликта многие социально-экономические и политические структуры оказались либо парализованы, либо радикально снизили эффективность своего функционирования.

Внедрение схожих идей и ценностей в массовое сознание китайского общества растянулось на десятилетия, что позволило избежать «культурного шока», постепенно интегрировать новые идейно-ценностные компоненты в массовое сознание, и не только не допустить регресса в экономике, но и осуществить радикальный прорыв в экономической сфере. Понимаемая подобным образом модернизация «...начинаясь с духовных переориентаций, в корне меняет основные социальные, экономические и политические характеристики общества» [12, с. 141].

Как правило, в процессе социальных преобразований преимущественное внимание как их инициаторов, так и исследователей концентрируется на преобразованиях социальных структур и институтов. Подобное внимание вполне закономерно, ибо преобразования структур и институтов более очевидны, можно проследить динамику данного процесса, зафиксировать этапы, рассчитать эффективность предпринятых мероприятий и т. п. Ситуация с изменениями в сфере массового сознания не столь очевидна. Затруднительно проследить, насколько те или иные идейно-ценностные установки укоренились в массовом сознании, стали ли они реальными ориентирами, влияющими на все сферы жизни общества. Но именно эти процессы, происходящие в массовом сознании, проявляются лишь через продолжительные промежутки времени, и есть подлинный модернизационный процесс, ибо «...социальные сдвиги мы рассматриваем как следствие культурных и цивилизационных обстоятельств и считаем главными в них невидимые – духовные – процессы» [12, с. 137]. Этот подход отечественных исследователей совпадает с современным видением данного феномена.

Одним из методов форсированных изменений массового сознания может стать резкий разрыв с традицией, особенно языковой. Так, Петр I, активно используя европейские языки, приучая к ним российскую элиту, во многом способствовал становлению феномена русского Просвещения.

Европейское культурное наследие, синтезируясь с православной культурой, породило новый тип культуры – отечественную европейскую культуру. Еще более разительный пример – языковая реформа в Турции в XX в., когда Мустафа Кемаль Ататюрк в законодательном порядке отменил письменность на основе арабского алфавита. Основой нового алфавита стала модифицированная версия латинского языка, а общеупотребительный турецкий язык пришел на смену турецко-арабо-персидскому диалекту: «...Ататюрк выбрал Запад, наиболее отчетливо выразив это отменой культурного и литературного средства, через которое выражала себя мусульманская элита империи» [13, с. 11–12]. Подобным подходом К. Ататюрк достигал двух целей: максимально ослаблял давление османских традиций, отсекал старую культурно-политическую элиту от определения целей и ценностей общественного развития. Лидер делал ставку на сознательное конструирование новой языковой и, как следствие, смысловой реальности. Таким образом, следует согласиться с оценкой К.-О. Хондриха, что к показателям модернизационных процессов может быть отнесено «... постоянное приращение рациональности, индивидуальности и избирательности...», что и продемонстрировал на практике К. Ататюрк [14, с. 42].

Процесс социальных преобразований требует двух неперемennых условий: *готовности* социальной системы к ним и *готовности* индивида поновому строить взаимодействие с социальной системой и другими индивидами [15]. Социальная система должна «дорости» до осознания того, что индивидуальная деятельность субъекта есть не угроза для ее стабильности и существования, а важнейший ресурс ее собственного развития. Вместе с тем субъекту следует быть готовым к самостоятельным действиям, ответственность за которые ляжет на него. Для этого субъект должен выделиться из социальных общностей (коллектив, община и т. п.), традиционно «размывающих» личную ответственность. Именно становление сознания, свободного от каких-либо коллективистских ориентиров, является, пожалуй, одним из важнейших и едва ли не самым сложным этапом в процессе формирования обществ эпохи Модернити. Как правило, именно в эту проблему – несоответствия установок массового сознания новым требованиям и новому качеству социальной системы – упираются сложности общественных преобразований по западному образцу.

Отечественный культуролог И. Г. Яковенко отмечает, что «сознание, в котором жива идея должного, неотделимо от членения мира на два уровня. Уровень сакральной нормативности, или должного как единственно подлинной, горней реальности и низменного сущего, понимаемого как ложная, неполноценная, в определенном смысле, эмпирия» [16, с. 18].

В конце XIX – начале XX в. российское общество, во многом в результате «великих реформ» Александра II, переживало острый кризис ориентационно-мотивационной системы. Функции целеполагания и мотивации в тра-

диционных обществах, как правило, исполняет религия, а с ослаблением влияния религии на массовое сознание остро встает вопрос: кто (или что) примет функции целеполагания и мотивации? Опыт Западной Европы указывает на то, что при переходе от традиционного общества к обществу Модерна эти функции принимает на себя идеология. Идеология – это фактически «светская религия» для секулярных обществ (см.: [17]).

Сложность ситуации, сложившейся в идеологической сфере России на рубеже XIX–XX вв., объяснялась тем, что на фоне ослабления возможностей религии регламентировать социальные процессы, не существовало идейной системы, которая могла бы принять на себя эти функции. Более того, в России процесс секуляризации сознания во многом имел поверхностно-инструментальный характер. Такой вывод наглядно подтверждает свидетельство С. Н. Булгакова о деятельности II Государственной Думы (1907 г.): «Я ясно видел, как в сущности далеко от политики, то есть повседневной прозаической работы починки и смазки государственного механизма, отстоят эти люди. Это психология не политиков, не расчетливых реалистов и не постепенцев, нет, это нетерпеливая экзальтированность людей, ждущих осуществления Царства Божия на земле, Нового Иерусалима и притом чуть ли не завтра» [18, с. 22].

Говоря о массовом сознании как необходимом условии социальных преобразований, можно утверждать, что социальные структуры и институты в значительной (если не сказать – решающей) мере зависят от состояния массового сознания, его идейно-ценностных, мотивационных и целевых установок. Ни одно общество не может функционировать, если существующие социальные структуры и алгоритмы их функционирования находятся в противоречии с установками массового сознания. Именно определенный образ желаемого будущего, укоренившийся в массовом сознании в качестве ориентира общественного развития, с необходимостью будет стремиться (посредством наиболее активных сил общества) привести реальные социальные институты и структуры в соответствие с представлениями о *должном* общественном устройстве.

Говоря об общественных преобразованиях в постсоветской России, И. Г. Дубов, Ю. Б. Зайцева, М. О. Мдивани, Л. М. Смирнов, Е. Ф. Тарасов, М. Е. Тарасова, Н. Н. Толстых отмечают основополагающие ценности российского общества и их взаимосвязи, что население «...надеется достичь если не благополучия, то индивидуального выживания и модернизации общества» [19, с. 71]. Именно ценностные установки населения являются как одним из самых существенных ресурсов социальных преобразований, так и одним из наиболее существенных препятствий на этом пути. Как отмечали авторы исследования «Россия: 10 лет реформ», «...главное противоречие, которое лежит в основе трансформации образа жизни, – это конфликт старых (унаследованных от СССР) и новых (возникших в 1980–

1990-е гг. под влиянием проведенных реформ) ценностных ориентаций и соответствующих им моделей поведения во всех сферах жизнедеятельности людей» [20, с. 306]. В данной характеристике, помимо констатации ценностных противоречий, сложившихся в стране в 1990-е гг., наиболее существенно указание на поведенческие модели, которым люди следуют во всех сферах деятельности. Поведенческие модели (неотъемлемой частью которых являются ценности) и социальные структуры диалектически взаимосвязаны. Нарушение данного взаимодействия неминуемо влечет за собой либо паралич социальных структур и институтов, либо резкое снижение какой-либо социальной активности со стороны индивида [21].

Именно это произошло в конце 1980-х гг., когда все возрастающая дифференциация ценностей по политическим, экономическим, научным и т. п. критериям нарушила идеологическую гомогенность советского общества, лишив его четких, согласованных ценностных ориентиров и разрушив единые механизмы мотивации. «...Оппозиционные ценности, – констатирует Н. И. Лапин, – уже в 1990 г. имели тенденцию стать ценностями большинства, доминирующими в российском обществе» [22, с. 104].

Уже в середине 1990-х гг. отмечалось: «Есть основания заключить: ныне ценностное сознание россиян находится отнюдь не в начале, а примерно в середине движения к модернистской системе ценностей или уже во второй половине этого пути. Такова главная тенденция-аттрактор, стягивающая российское общество в социокультурную реформу» [23, с. 72]. Система ценностей, по мере как она начинает доминировать в массовом сознании, формирует аттрактор, который не только определяет направление развития общества, но стягивает общество в процесс более масштабный – социокультурную реформу, которая, если данный процесс не будет изменен под влиянием каких-либо факторов, со временем перестроит весь мировоззренческий уклад общества, исходя из новой системы ценностей [24].

Массовому сознанию «присуща собственная структура, “атомарным” элементом которой является убеждение как субъективная, практическая форма синтеза идеологии (теории) и социальной психологии в сознании массового индивида» [25, с. 22]. Только когда теоретические установки массового сознания станут достоянием конкретного индивида, *убежденно-го* в необходимости именно *этих* действий и готового перейти к их практической реализации, можно говорить, что та или иная ценностная установка *действительно* укоренилась в массовом и индивидуальном сознании, трансформировавшись в *реальный* ориентир в процессе деятельности.

Говоря о модернизации массового сознания и о связи данного процесса со вышеизложенным комплексом идей, должно более подробно остановиться на одной терминологической проблеме. Что подразумевают, когда говорят о модернизации общества? Как правило, это некий образ, в своих

существенных чертах повторяющий западную модель социального, экономического и политического устройства. Этот «образ» модернизации, несмотря на его широкую распространенность и в научной литературе, и в обыденном сознании, все-таки достаточно условен. Условен он не столько в силу индивидуальных предпочтений, сколько в колоссальной трудности практической реализации европейского опыта на неевропейской почве [26].

Проблемы здесь возникают двух типов. Во-первых, чтобы повторить европейский опыт, нужно иметь европейский опыт секуляризации и рационализации мышления. Это процесс *исключительно* эволюционный, который можно форсировать, но в этом случае получается квазисекуляризация и квазирационализация. Подобный процесс требует продолжительного периода. Например, в Западной Европе он растянулся на пять веков (см.: [27]). Во-вторых, это проблема реформирования социальных структур. В 1980–1990-е гг. советская идейно-ценностная система была разрушена и ей на смену пришел абстрактный «образ Запада». На фоне паралича советской идейно-ценностной системы в массовом сознании укрепился некий образ «современного общества», который не был обеспечен соответствующими институтами и социальными структурами [28].

Яркий пример зависимости процесса преобразования социальных структур и институтов от состояния массового сознания дает Китай. Когда после смерти Мао Цзэдуна от власти была отстранена группа ультра-левых политиков, выступавших за продолжение «культурной революции», и к руководству страной вернулись ответственные политики во главе с Дэн Сяопином, приоритетной задачей нового руководства стало определение стратегических целей развития страны. Старт политики преобразований был дан в декабре 1978 г. на пленуме ЦК КПК. С программным докладом выступил Дэн Сяопин. Примечательно название доклада нового лидера страны: «Раскрепостить сознание, реалистически подходить к делу, сплотиться воедино и смотреть вперед» [29, с. 35–50]. Как видим, на первое место была поставлена задача раскрепощения сознания как *исходного* условия предстоящих социально-экономических преобразований [30].

Продолжительное правление Мао Цзэдуна, неразрывно связанное с диктатурой КПК и культом личности ее лидера, тотальным идеологическим контролем, принципиальным недопущением инакомыслия, достигшем своего апогея во время перманентной кампании по изучению идей Мао Цзэдуна, физическим устранением известных политиков, деятелей культуры, военачальников, массовой отправкой на «перевоспитание» в трудовые лагеря городской интеллигенции – все это не могло не породить крайнего догматизма в мышлении, страха перед любыми инновациями. Поэтому Дэн Сяопин обоснованно полагал, что намеченная им программа преобразований не будет реализована, если «не покончить

с закостенением мысли, не раскрепостить сознание кадровых работников и народных масс» [31, с. 363]. Намеченные китайским руководством цели общественного развития настоятельно требовали преодолеть догматизм мышления, некритичное восприятие идей Мао Цзэдуна, что рассматривалось как признак преданности идеям коммунизма и маоизма, фактически как высшая гражданская добродетель. Именно поэтому «лозунг «освобождения сознания» стал идеологическим обеспечением *всей последующей* (выделено нами. – Н. Г.) политики реформ и открытости в Китае» [31, с. 370]. Эту точку зрения также подтверждает один из ведущих отечественных китаеведов Л. П. Делюсин: «...экономическим преобразованиям предшествовала и обеспечивала им успех революция в умах, именуемая в Китае раскрепощением мысли» [32, с. 10].

Пример Китая убедительно доказывает, что классическая концепция модернизации, во многом понимаемая как заимствование и внедрение на национальной почве «универсального» западного опыта, безнадежно устарела. Есть все основания согласиться с А. И. Кравченко, который писал, что органическая «модернизация начинается не с экономики, а с культуры и изменения общественного сознания» [33, с. 20].

Социально-экономическое развитие Китая последних тридцати лет является примером удачного перехода к современному типу общества не путем заимствования западных образцов общества Модернити, а достижения современности посредством создания собственной модели, основанной на национальной культуре, национальных системах ценностей, целеполагания и мотивации. Каким образом удалось достичь подобного результата? Руководство Китая обоснованно полагало, что планируемые реформы, в первую очередь, в экономике, невозможны без предварительного «раскрепощения» сознания, без внедрения в него новых идейно-ценностных и целевых установок. Однако, в отличие от руководства Советского Союза, которое в эпоху перестройки самоустранилось от контроля за идеологическими процессами, руководство Китая четко отслеживало изменения в массовом сознании населения.

Опасность «советского» сценария развития событий существовала и в Китае, высшей точкой которых стали Тяньаньмэньские события 1989 г. Основной задачей для китайского руководства был возврат контроля над массовым сознанием, который за время реформ несколько ослаб. Для этого развернули масштабные кампании против «буржуазного либерализма» под лозунгом защиты марксизма и идей Мао. Эти кампании дали свои результаты: руководству Китая удалось избежать массовой переориентации населения на западные идеи и ценности. С 1992 г. в Китае возобновили реформы, при осуществлении которых максимально учитывались ошибки, приведшие к Тяньаньмэньским событиям. Понимая, что новая экономика и новые социальные отношения не могут быть основаны на идеологии

маоизма, власти Китая осуществили управляемое обновление массового сознания, внедряя актуальные для текущего момента идеи и ценности, которые отвечали потребностям развития экономики и общества.

Заключение. С необходимостью предшествующим видоизменению социальных институтов и структур является этап, который подготавливает изменения в массовом сознании. Обусловленные комплексом ценностно-целевых ориентиров, эти изменения взаимосвязаны с объективными потребностями развития социально-экономической системы. Одновременно с этим социальные институты и структуры должны располагать достаточными ресурсами для практической реализации новых идеологических установок. Отсутствие корреляции между данными составляющими модернизации общества либо могут обернуться невысокой социальной эффективностью осуществляемых мероприятий, либо вовсе привести к дезинтеграции всей социальной системы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Чельшев П. В.** Диалектика обыденного и специализированного сознания // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 5 (79). С. 198–201. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29095633>; EDN: YMSEUB
2. **Зарубко Е. Ю.** Архетипы в обыденном сознании // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2010. № 27 (203). С. 37–43. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15280453>; EDN: MWJYFH
3. **Биккенин Н. Б., Мамут Л. С., Гусейнов А. А., Угринович Д. М., Мотрошилова Н. В., Безчеревных Э. В.** Общественное сознание и его формы: монография. М.: Политиздат, 1986. 367 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23831162>; EDN: UBMXZN
4. **Чалмерс Д.** Сознательный ум. В поисках фундаментальной теории: монография. М.: Либроком, 2015. 512 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26135970>; EDN: VZYGUD
5. **Жукоцкая А. В.** Феномен идеологии: монография. Самара: Московский городской педагогический университет, 2009. 272 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26030194>; EDN: VXQCBV
6. **Грушин Б. А.** Мнение о мире и мир мнений: монография М.: Праксис, 2011. 542 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19672899>; EDN: QONBFP
7. **Дилигенский Г. Г.** Рабочий на капиталистическом предприятии. Исследование по социальной психологии французского рабочего класса: монография. М.: Наука, 1969. 409 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21838182>; EDN: SJXAAT
8. **Благовещенский Ю. Н., Сатаров Г. А.** Сетевое моделирование массового политического сознания. Метод // Полис. Политические исследования. 2019. № 5. С. 96–118. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.08>; URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39883384>; EDN: ORUISA
9. **Гурьянова З. З.** О проблеме массового сознания // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2024. С. 123–126. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=65693257>; EDN: OIWETM
10. **Потапов М. М., Барбашов А. Б., Терещенко Е. К.** Коммуникационная роль средств массовой информации в процессе кардинального изменения общественного сознания // Научные аспекты комплексной безопасности: сб. науч. статей. М.: Российский государ-

- ственный социальный университет, 2024. С. 212–223. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=75114728&pff=1>; EDN: NMQRVR
11. **Петряков К. С.** Симулякры в массовом сознании как средство информационной войны: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2024. 24 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=69152677>; EDN: GOTIFZ
  12. **Козловский В. В., Уткин А. И., Федотова В. Г.** Модернизация: от равенства к свободе: монография. СПб.: Изд-во СПб. государственного ун-та, 1995. 280 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22803200>; EDN: TFABLN
  13. **Бенхабиб С.** Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру: монография. М.: Логос, 2003. 289 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19654398>; EDN: QOCNNV
  14. **Гирко Л. В.** 97.04.009. Хондрих К.-О. Можно ли модернизировать социальные отношения? Hondrich K. O. Lassen sich soziale beziehungen modernisieren? // LEVIATHAN. OPLADEN, 1996. JG. 24, N. 1. С. 28–44 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11. 1997. № 4. С. 41–46. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=8810591>; EDN: HKUWEV
  15. **Яковлев М. В.** Киберпсихология управления массовым сознанием в современном государстве // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21, № 3. С. 42–59. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=75094114>; EDN: QRPGDY
  16. **Яковенко И. Г.** Должное и сущее как категории культурно-исторического процесса: На материале России: автореф. дис. ... канд. культурологии. М.: 1999. 23 с.
  17. **Сардарян Г. Т., Алексеева Т. А.** Секуляризация и религиозность в оптике конструктивизма // Полис. Политические исследования. 2020. № 4. С. 124–138. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43144452>; EDN: LVSEVH
  18. **Лосский Н. О.** Характер русского народа. Frankfurt am Main: Посев, 1957. 151 с.
  19. **Дубов И. Г., Зайцева Ю. Б., Мдивани М. О., Смирнов Л. М., Тарасов Е. Ф., Тарасова М. Е., Толстых Н. Н.** Ментальность россиян (Специфика сознания больших групп населения России): монография. М.: Имидж-контакт, 1997. 480 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28975295>; EDN: YKBSQF
  20. **Римашевская Н. М., Рыбаковский Л. Л., Русанова Н. Е., Каткова И. П., Красинец Е. С., Тюрюканова Е. В., Федорова Т. И., Симагин Ю. А.** и др. Россия: 10 лет реформ. Социально-демографическая ситуация: монография. М.: Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, 2002. 368 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45646367>; EDN: TAVZWE
  21. **Журавлев А. Л., Соснин В. А., Китова Д. А., Нестик Т. А., Юревич А. В.** Массовое сознание и поведение: монография. М.: Институт психологии РАН, 2017. 424 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29946937>; EDN: ZFIOAR
  22. **Лапин Н. И.** Социокультурный контекст смешанной экономики // Смешанная экономика: социокультурные аспекты. Научно-информационный сборник. М.: ИНИОН РАН, 1994. С. 97–111. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35052453>; EDN: UQYJEW
  23. **Лапин Н. И., Беляева Л. А., Наумова Н. Ф., Здравомыслов А. Г.** Динамика ценностей населения реформируемой России: монография. М.: УРСС, 1996. 224 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=osrdll>; EDN: OSRDLL
  24. **Токарев А. А.** Массовое сознание российской молодежи: образ будущего // Полис. Политические исследования. 2024. № 6. С. 154–169. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=75090284>; EDN: URHNAF
  25. **Баталов Э. Я., Замошкин Ю. А.** Современное политическое сознание в США. М.: Наука, 1980. 448 с.
  26. **Беляева Л. А.** Современная Россия в массовом сознании жителей страны // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12, № 2. С. 6–26. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=67899162>; EDN: BXIKXC

27. **Dantas R. B.** Berger Peter L. The Many Alters of Modernity: Toward a Paradigm for Religion in a Pluralist Age. Boston: Walter de Gruyter, 2014. 147 p. // Debates do NER. 2017. 1(31):343. DOI: 10.22456/1982-8136.75423
28. **Савин С. Д.** Кризисно-стабилизационная динамика массового сознания российского общества // Социологические исследования. 2024. № 6. С. 76–87. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=68644224>; EDN: OCLQJR
29. **Дэн Сяопин.** Раскрепостить сознание, реалистически подходить к делу, сплотиться во-едино и смотреть вперед // Строительство социализма с китайской спецификой. Статьи и выступления. М.: Общество дружбы и сотрудничества с зарубежными странами, 2002. 530 с.
30. **Кулик Б. Т.** Строительство социализма с китайской спецификой // Новая и новейшая история. 2003. № 5. С. 23–38. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17287247>; EDN: OOHNSND
31. **Усов В. Н.** История КНР: в 2 т. Т. II. 1966–2004. М.: АСТ: Восток – Запад, 2006. 718 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19699446>; EDN: QPCDXZ
32. **Делюсин Л. П.** Китай: полвека – две эпохи. М.: Институт востоковедения РАН, 2001. 294 с.
33. **Кравченко А. И.** Три капитализма в России // Социологические исследования. 1999. № 7. С. 16–25.

REFERENCES

1. Chelyshev P. V. Dialectics of everyday and specialized consciousness. *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism. Questions of Theory and Practice*, 2017, no. 5 (79), pp. 198–201. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29095633>; EDN: YMSEUB (In Russian)
2. Zarubko E. Y. Archetypes in everyday consciousness. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Psychology*, 2010, no. 27 (203), pp. 37–43. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15280453>; EDN: MWJYFH (In Russian)
3. Bikkenin N. B., Mamut L. S., Huseynov A. A., Ugrinovich D. M., Motroshilova N. V., Bezcherevnykh E. V. *Public consciousness and its forms: a monograph*. Moscow: Politizdat Publ., 1986, 367 p. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23831162>; EDN: UBMXZN (In Russian)
4. Chalmers D. *The conscious mind: In search of a fundamental theory: a monograph*. Moscow: Librocom Publ., 2015, 512 p. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26135970>; EDN: VZYGUD (In Russian)
5. Zhukotskaya A. V. *The phenomenon of ideology: a monograph*. Samara: Moscow City Pedagogical University, 2009, 272 p. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26030194>; EDN: VXQCBB (In Russian)
6. Grushin B. A. *Opinion about the world and the world of opinions: a monograph*. Moscow: Praxis Publ., 2011, 542 p. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19672899>; EDN: QONBFP (In Russian)
7. Diligensky G. G. *A worker in a capitalist enterprise. A study on the social psychology of the French working class: a monograph*. Moscow: Nauka Publ., 1969, 409 p. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21838182>; EDN: SJXAAT (In Russian)
8. Blagoveshchenskiy Yu. N., Satarov G. A. Network modeling of mass political consciousness. *Method. Polis. Political Research*, 2019, no. 5, pp. 96–118. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.08>; URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39883384>; EDN: ORUISA (In Russian)
9. Guryanova Z. Z. On the Mass Consciousness Issue. *Social Institutions in a Legal Dimension: Theory and Practice: materials of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference*. Irkutsk,

- Publishing House of Irkutsk State University, 2024, pp. 123–126. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=65693257>; EDN: OIWETM (In Russian)
10. Potapov M. M., Barbashov A. B., Tereshchenko E. K. The Communication Role of Mass Media in the Process of Fundamental Changes in Public Consciousness. *Scientific Aspects of Integrated Security. Collection of scientific articles*. Moscow: Publishing House of the Russian State University of Economics, 2024, pp. 212–223. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=75114728>; EDN: NMQRVR (In Russian)
  11. Petryakov K. S. *Simulacra in the mass consciousness as a means of information warfare*: abstract of the diss. ... Candidate of Philosophical Sciences. Moscow, 2024, 24 p. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=69152677>; EDN: GOTIFZ (In Russian)
  12. Kozlovsky V. V., Utkin A. I., Fedotova V. G. *Modernization: from equality to freedom*: a monograph. St. Petersburg, Publishing House of St. Petersburg University, 1995, 280 p. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22803200>; EDN: TFABL N (In Russian)
  13. Benhabib S. *The claims of culture. Equality and diversity in the global era*: a monograph. Moscow. Logos Publ., 2003, 289 p. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19654398>; EDN: QOCNNV (In Russian)
  14. Girko L. V. 97.04.009. Hondrich K.-O. Is it possible to modernize social relations? Hondrich K.O. Lassen sich soziale beziehungen modernisieren? *LEVIATHAN. OPLADEN*, 1996, JG. 24, H. 1, pp. 28–44. *Social and Humanitarian Sciences. Domestic and foreign literature. Series 11*, 1997, no. 4, pp. 41–46. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=8810591>; EDN: HKUVEV (In Russian)
  15. Yakovlev M. V. Cyberpsychology in Mass Consciousness Management in Modern State. *Discourse-Pi*, 2024, no. 3, pp. 42–59. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=75094114>; EDN: QRP GDY (In Russian)
  16. Yakovenko I. G. *Due and existing as categories of cultural and historical process (based on Russia)*: abstract of the diss. ... Candidate of Culturology. Moscow, 1999, 23 p. (In Russian)
  17. Sardaryan G. T., Alekseeva T. A. Secularization and religion in the prism of constructivism. *The policy. Political Research*, 2020. no. 4, pp. 124–138. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.09>; URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43144452>; EDN: LVSEVH (In Russian)
  18. Lossky N. O. *The character of the Russian people*. Frankfurt am Main: Sowing Publ., 1957, 151 p. (In Russian)
  19. Dubov I. G., Zaitseva Yu. B., Mdivani M. O., Smirnov L. M., Tarasov E. F., Tarasova M. E., Tolstykh N. N. *The mentality of Russians (The specifics of consciousness of large groups of the Russian population)*: a monograph. Moscow: Image-contact Publ., 1997, 480 p. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28975295>; EDN: YKBSQF (In Russian)
  20. Rimashevskaya N. M., R. Asbakovsky L. L., Rusanova N. Well. Katkova I. P. It's Krasinets. S. It's Tyuryukanova. V., Fedorova T. And. Shimagin Yu. A. etc. *Russia: 10 years of reforms. Socio-demographic situation*: a monograph. Moscow: ISESP RAS Publ., 2002, 368 p. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45646367>; EDN: TAVZWE (In Russian)
  21. Zhuravlev A. L., Sosnin V. A., Kitova D. A., Nestik T. A., Yurevich A. V. *Mass Consciousness and Behavior*: a monograph. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2017, 424 p. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29946937>; EDN: ZFIOAR (In Russian)
  22. Lapin N. I. The socio-cultural context of a mixed economy. *Mixed economy: socio-cultural aspects*. Scientific digest (ed. by N.I. Lapin). Moscow: INION RAS, IF RAS Publ., 1994, pp. 97–111. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35052453>; EDN: UQYJEW (In Russian)
  23. Lapin N. I., Belyaeva L. A., Naumova N. F., Zdravomyslov A. G. *The values dynamics of the population of reformed Russia*: a monograph. Moscow: Editorial URSS, 1996. 224 p. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=34973190>; EDN: OSRDLL (In Russian)

24. Tokarev A. A. Mass Consciousness of Russian Youth: the Image of the Future. *Polis. Political Research*, 2024, no. 6. pp. 154–169. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=75090284>; EDN: URHHAF (In Russian)
25. Batalov E. Ya., Zamoshkin Yu. A. *Modern political consciousness in the USA*. Moscow: Nauka Publ., 1980, 448 p. (In Russian)
26. Belyaeva L. A. Modern Russia in the Mass Consciousness of its Citizens. *Sociological Science and Social Practice*, 2024, vol. 12, no. 2, pp. 6–26. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=67899162>; EDN: BXIKXC (In Russian)
27. Dantas R. B. Berger Peter L. The Many Alters of Modernity: Toward a Paradigm for Religion in a Pluralist Age. Boston: Walter de Gruyter Publ., 2014, 147 p. *Debates do NER*, 2017, no. 1(31), p. 343. DOI: 10.22456/1982-8136.75423
28. Savin S. D. Crisis-stabilization Dynamics of Mass Consciousness of the Russian Society. *Sociological Research*, 2024, no. 6, pp. 76–87. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=68644224>; EDN: OCLOJR (In Russian)
29. Deng Xiaoping. To liberate consciousness, to approach the matter realistically, to unite and look forward. *Building socialism with Chinese specifics. Articles and speeches*. Moscow: Society of Friendship and Cooperation with Foreign Countries, 2002, 530 p. (In Russian)
30. Kulik B. T. The construction of socialism with Chinese characteristics. *New and Modern History*, 2003, no. 5, pp. 23–38. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17287247>; EDN: OOHSND (In Russian)
31. Usov V. N. *History of the People's Republic of China: in 2 vols., vol. 2. 1966–2004*. Moscow. AST: East – West Publ., 2006, 718 p. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19699446>; EDN: QPCDXZ (In Russian)
32. Delyusin L. P. *China: half a century – two eras*. Moscow. Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2001, 294 p. (In Russian)
33. Kravchenko A. I. Three capitalisms in Russia. *Sociological Research*, 1999, no. 7, pp. 16–25. (In Russian)

Информация об авторе

Н. Г. Глазунов, кандидат философских наук, доцент, научный сотрудник, Федеральное бюро медико-социальной экспертизы Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации (127486, Москва, ул. Ивана Сусанина, 3).

Information about the author

Nikolai G. Glazunov, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Researcher, Federal Bureau of Medical and Social Expertise of the Ministry of Labor and Social Protection of Russian Federation (127486, Moscow, Ivan Susanin str., 3).

Поступила: 28.11.2024

Received: November 28, 2024

Одобрена после рецензирования: 25.12.2024

Approved after review: December 25, 2024

Принята к публикации: 27.01.2025

Accepted for publication: January 27, 2025